

УДК 329.71

Д.В. МАХАЛИНА
(daryamh1@yandex.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОТРАЖЕНИЕ ФАКТОВ ГЕРОИЗМА И САМОПОЖЕРТВОВАНИЯ ЖЕНЩИН В ТЫЛУ НА СТРАНИЦАХ «СТАЛИНГРАДСКОЙ ПРАВДЫ»*

Статья посвящена анализу образа женского героизма в тылу на страницах газеты «Сталинградская правда» в 1942–1945 гг. На основе материалов издания и историографических исследований автор рассматривает риторические приемы и нарративные стратегии, с помощью которых пресса конструировала новую социальную роль женщины как основной производительной силы тыла. Делается вывод о мобилизационной, компенсаторной и легитимизирующей функциях героизации, что способствовало превращению труда в патриотический долг и уравниванию тылового подвига с ратным в коллективной памяти.

Ключевые слова: «Сталинградская правда», женский героизм, самопожертвование, гендерные роли, трудовая мобилизация, советская пропаганда, военная риторика, образ женщины-труженицы, коллективная память.

Великая Отечественная война стала периодом глубочайшей социальной трансформации советского общества. Одним из ключевых феноменов тыловой жизни стала кардинальная смена гендерных ролей: женщины, массово заменившие ушедших на фронт мужчин, стали становым хребтом экономики, обеспечивавшим армию и страну ресурсами для Победы. Газета «Сталинградская правда», будучи рупором партийных и государственных установок, играла важнейшую роль в формировании и продвижении нового образа женщины – героини трудового фронта, сознательной и самоотверженной работницы тыла. Настоящая статья, опираясь на материалы газеты «Сталинградская правда» 1942–1945 гг. и современные историографические исследования, ставит целью проанализировать, как в условиях демографической катастрофы и тотальной трудовой мобилизации конструировался и транслировался через прессу образ женского героизма и самопожертвования в тылу.

Как отмечает С.И. Моисеев, организация тылового обеспечения в Сталинграде требовала «напряжения всех сил региона, включая максимальное использование оставшихся трудовых ресурсов» [2, с. 5]. Именно женщины, старики и подростки стали этими «оставшимися ресурсами». Государственная политика, как показывает в своем диссертационном исследовании Ф.А. Такташева, была целенаправленно переориентирована на то, чтобы «максимально вовлечь женское население в народное хозяйство, закрепить его на производстве и в сельском хозяйстве» [12, с. 56], и инструментом ее легитимации и героизации выступала пресса. «Сталинградская правда» в этот период становится зеркалом и одновременно конструктором новой трудовой реальности. Прямое отражение демографической трагедии и условий жизни женщин в Сталинграде и области видим в заметке: «Что мы видели в фашистском плену» (№ 247, 1 ноября 1942 г.). Рассказ А. Каменевой: «У меня четверо детей. После гитлеровского нашествия в доме не осталось ничего съестного: румыны забрали все мои продукты питания, корову, телку, поросенка и 20 кур» [4, Л. 2] – является не просто частной историей, но «обыденной» трагедией простых жителей в оккупированных и прифронтовых районах: тотальное разорение, угроза голода, ответственность за детей, ложащаяся на плечи женщин. Лингвостилистический анализ этой цитаты показывает сдержанный, почти протокольный стиль, лишенный эмоциональных оценок, но факты говорят сами за себя, создавая основу для дальнейшего нарратива о преодолении.

Ответом на эту катастрофу становится мобилизационная риторика, приравнивающая труд в тылу к бою на фронте. В статье «В прифронтовых колхозах» (тот же номер) читаем: «Близость фронта еще теснее сплотила колхозников... Героическая борьба защитников Сталинграда вдохновляет их на самоотверженный труд» [Там же]. Используемый лингвостилистический прием параллелизма

* Работа выполнена под руководством Болотовой Е.Ю., доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

автора заметки («героическая борьба» на фронте – «самоотверженный труд» в тылу), поддерживаемый метафорой «работы в опасных условиях» – стирают грань между фронтом и тылом, а список женщин-колхозниц (Новикова, Колесникова и др.), проявивших «исключительную самоотверженность», становится аналогом списка отличившихся бойцов.

Апогеем этой риторики становится лозунг, опубликованный в газете в 1943 г.: «Наступление на фронте поддержим наступлением в труде». Здесь явно звучит прямая военная метафора, определяющая суть трудовой мобилизации. Описание работы элеватора – «В любую погоду, днем и ночью... шли подводы... Женщины, старики и подростки готовили зерно» [7, Л. 4] – напоминает репортаж с передовой, где вместо солдат – гражданские лица, а вместо оружия – мешки с зерном. Конкретные цифры сданных государству продуктов (3885 центнеров зерна, 838 центнеров в фонд Красной Армии) выполняют роль «сводки с боевых действий», где единицей измерения успеха становится сданное продовольствие.

Важнейшим аспектом информационного фона эффективной мобилизации была также социальная поддержка. Заметка: «Помощь семьям фронтовиков» (апрель 1943 г.) демонстрирует, что государство, через газету, афиширует меры по обеспечению тех, кто остался без кормильцев: выдача товаров, обеспечение одеждой, выделение участков, устройство на работу, организация детских яслей [10, Л. 2]. Текст заметки звучит как послы к женщинам Сталинграда: их труд на поле или заводе возможен, потому что государство берет на себя заботу об их детях и быте. Патерналистская риторика публикации направлена на то, чтобы снизить социальную тревогу и создать ощущение управляемости и порядка даже в условиях хаоса.

В условиях катастрофического демографического дисбаланса, когда, по данным исследования Ф.А. Такташевой, количество женщин в Сталинградской области примерно вдвое превышало количество мужчин [12], советская пропаганда столкнулась с необходимостью целенаправленно воссоздать в реальности новую социальную роль женщины. Газета «Сталинградская правда» стала своего рода площадкой для того, чтобы создать целостный и героизированный образ женщины-труженицы.

Центральным сюжетом стало массовое освоение женщинами сугубо «мужских» профессий. В исследовании А.А. Валуевой подчеркивается, как «на Тракторном заводе 300 женщин осваивают мужские профессии у станков» [1, с. 28]. Риторика «Сталинградской правды» делала акцент на стремительном обучении и сверхнапряжении. Так, в материале от 1 августа 1941 г., на который ссылается А.А. Валуева: «Работницы Сталинградского тракторного и метизного заводов выполнили нормы на 150–300%» [Там же]. В заметках: «Сталинградской правды» от 1943 г. образ женщины-станочницы обретал почти мифические черты, поскольку работа под непрерывными бомбежками не просто продолжалась, но и сопровождалась ростом производительности. Например, «Плетнева... в день, когда в цех попала бомба... вместо 30 выпустила 37 деталей» [1, с. 29]. В кратком сообщении заключена целая идеологическая формула: внешняя угроза мобилизует; разрушение цеха ведет не к остановке производства, а к новому трудовому рекорду.

Восстановительные работы и строительство в разрушенном городе открывались новой стороной в проявлении героизма и самопожертвования женщин Сталинграда. Строительство железной дороги «Иловля-Камышин» силами женщин велось «в невероятно трудных условиях – открытая степь не располагает укрытиями от дождя и холода, промокшую одежду часто сушить было негде» [1, с. 28]. Труд на стройке и заводе напрямую связывался с судьбой города: работая в промокшей одежде в степи или среди руин цеха, женщина-труженица буквально своими руками возрождала Сталинград, что способствовало героизации и возвышению образа.

В отрасли сельского хозяйства «Сталинградская правда» конструировала образ женщины-крестьянки как главной производительницы продовольствия для армии и гаранта продовольственной безопасности в условиях, когда «в доме не осталось ничего съестного» после разорения оккупантами [4, Л. 2]. Доминирующими стали два взаимосвязанных мотива – коллективная сплоченность в прифронтовой полосе и героизация труда в условиях непосредственной смертельной опасности. Газета напрямую связывала трудовой подвиг села с боями в городе, создавая единое пространство фронта. В статье «В прифронтовых колхозах» (1 ноября 1942 г.) эта связь выражена эксплицитно: «Близость

фронта еще теснее сплотила колхозников... Героическая борьба защитников Сталинграда вдохновляет их на самоотверженный труд» [4, Л. 2]. Колхоз, работавший «несмотря на бомбежки и сильный минометный обстрел», успешно заканчивал уборку и сдавал овощи бойцам. Сами действия – уборка урожая под обстрелом – подавались как акт героизма, равный воинскому, а конкретные цифры сданной продукции, приводимые в газете, служили документальным подтверждением этого подвига, помимо сухого перечисления «трудовых сводок». В заметке: «Наступление на фронте поддержим наступлением в труде» (1943 г.) сообщалось: «Колхоз полностью рассчитался с государством... Сдано 3885 центнеров зерна. В фонд Красной Армии вывезен 838 центнеров хлеба. Кроме того, сдано 394 центнера мяса, 2002 килограмма сливочного масла, больше двух тонн шерсти» [7, Л. 4]. Сухой перечень, лишенный эмоциональных оценок, благодаря своей точности производил сильнейшее впечатление, превращая каждую цифру в свидетельство нечеловеческого напряжения сил, которое легло на плечи женщин, стариков и подростков.

Отдельным сюжетом героизации образа женщины на страницах «Сталинградской правды» была материнская жертвенность и прямая адресная помощь армии. Заметка: «Обоз с подарками защитникам Сталинграда» (7 ноября 1942 г.) воспринимается как гимн этой жертвенности. Скупая опись груза – «больше двух тонн говядины и баранины... 120 килограммов колбасы... свыше 700 килограммов зажаренных гусей и кур, две с половиной тонны разных печений» [6, Л. 4] – обретала глубокий символический смысл. Эмоциональный посыл заключался в сопровождающих письмах, «проникнутых теплой материнской любовью и лаской», и в лозунге, который газета транслировала от лица колхозниц: «А мы даем вам, героические защитники Сталинграда, твердое обещание работать еще напряженнее, чтобы дать стране и фронту все необходимое для окончательной победы!» [Там же]. Здесь риторика достигала своего апогея: образ женщины-кормилицы сливался с образом матери, а ее труд – с обетом, данным своим мужьям и сыновьям на передовой.

Образ женщины-труженицы дополнялся сюжетами о жизнеобеспечивающих, но менее заметных направлениях. «Дорога жизни» через Волгу, железнодорожные ветки, телефонные линии – все это удерживалось и восстанавливалось руками женщин. Их труд здесь часто описывался как проходящий под непосредственным огнем, что также стирало последние различия между «фронтом» и «тылом». Помимо очевидного героизма медсестер на передовой (подробно описанного В.С. Мурманцевой), газета освещала и будничную, но оттого не менее важную для жизни работу: донорство, уход за ранеными в полуразрушенных госпиталях, организацию детских яслей, чтобы матери могли выйти на работу. Заметка: «Помощь семьям фронтовиков» (апрель 1943 г.) была прямым отражением этой политики: «Жены и матери фронтовиков обеспечены обувью, одеждой... Матери, устроив своих детей в детские ясли... работают в поле» [10, Л. 2], – показывала государственную заботу, но также и новую модель женской солидарности и организованности. На «обыденном» уровне героиней становилась не только ударница у станка, но и домохозяйка, шьющая одежду для бойцов. Так, за зиму и осень 1942 г. было изготовлено и передано на фронт «5 тыс. теплых одеял, 10 тыс. матрацев... выстирано 25 тонн белья» [1, с. 29]. В «Сталинградской правде» эта деятельность часто описывалась в рамках «черкасовского движения», как в заметке об обязательствах Т. Рудаковой, которая организовала бригаду домохозяек для восстановления города [8, Л. 3]. Таким образом, даже частная, домашняя сфера подчинялась логике общего дела, а каждая женщина, независимо от профессии, находила свое место в системе тотальной мобилизации.

Риторика газеты была насыщена прямыми призывами и формулами, превращавшими труд в моральный императив. Яркий пример – клятва, опубликованная от лица колхозниц в заметке: «Обоз с подарками защитникам Сталинграда»: «А мы даем вам, героические защитники Сталинграда, твердое обещание работать еще напряженнее, чтобы дать стране и фронту все необходимое для окончательной победы!» [6, Л. 4]. Здесь индивидуальное «я» растворяется в коллективном «мы», а личное обещание сливается с клятвой верности государству и армии, и этот прием создает императив единого, неделимого пространства борьбы, где нет места частным интересам. Труд, таким образом, становился формой исполнения гражданского (личного) и патриотического долга.

Газета активно использовала риторический прием контраста между «традиционной» женской слабостью и новой «сверхъестественной» силой. В заметке о колхозе им. Карла Либкнехта подчеркивалось, что зерно готовили «женщины, старики и подростки» [7, Л. 4], акцентируя неполноценность, с точки зрения традиционной экономики, трудовых ресурсов, что лишь усиливало впечатление от их «блестящих результатов». Данный прием служил двойной цели: он героизировал конкретные достижения и одновременно легитимизировал тотальную мобилизацию, доказывая, что даже самые, казалось бы, нетрудоспособные группы населения могут и должны работать по имя общей Победы. Цифра становилась главным аргументом, и журналисты, и редакторы «Сталинградской правды» часто использовали протокольный, формальный стиль для описания трудовых свершений: «сдано 394 центнера мяса, 2 002 килограмма сливочного масла, больше двух тонн шерсти» [Там же]. Подобная сухая констатация, лишенная эмоций, создавала эффект абсолютной достоверности и неопровержимости подвига. Социалистическое соревнование, как в примере с вызовом тов. Рудаковой тов. Серегиной [8, Л. 3], трансформировалось из метода организации труда в публичный вызов для достижения новых побед на трудовом фронте.

С одной стороны, на страницах газеты звучат попытки воссоздания архетипа матери-кормилицы и защитницы. Колхозницы, отправлявшие на фронт обоз с подарками, делали это с «теплой материнской любовью и лаской» [6, Л. 4]. С другой стороны, и это особенно важно в контексте послевоенного периода, намечалась трансформация материнства из частного выбора в задачу государственной важности. Исследование Ф.А. Такташевой четко указывает, что в послевоенные годы «государственная политика в отношении женщин в СССР» была направлена, в том числе, на стимулирование рождаемости через систему наград («Мать-героиня», «Материнская слава») и пособий [12]. Показывая помощь многодетным матерям и вдовам («выдано промышленных товаров свыше чем на 30 тысяч рублей... выделены приусадебные участки... устроены на работу» [10, Л. 2]), «Сталинградская правда» создавала социальную риторику для этой политики, демонстрируя, что государство заботится о женщине-матери, и от нее зависит будущее разрушенного, но не побежденного города, и всей страны в целом. Таким образом, образ матери соединял в себе жертвенность (отдача сыновей и труда) и обязанность (воспроизводство населения для восстановления страны).

На основе доступных описаний и упоминания визуального содержания публикаций в газете, например, «снимка: стахановка Н-ского завода» [5, Л. 1] можно реконструировать основные черты нарратива. Фотографии создавали собирательный, обезличенный портрет героини, типичными сюжетами, судя по текстовым отсылкам, были: женщина у станка в цеху (акцент на освоении техники), женщина за штурвалом трактора или комбайна (символ модернизации села), женщина с киркой или лопатой на стройке (архетип восстановительницы). Образы, не лишённые индивидуальных черт, работали на создание узнаваемого иконографического типа – советской женщины-труженицы, чье лицо определялось действием и атрибутом труда.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что газета «Сталинградская правда» в 1942–1945 гг. сыграла роль воссоздания новой социальной реальности, в которой женщина стала основной производительной и мобилизационной силой тыла. Через системное применение военной метафоры и параллели, нарративов жертвенного преодоления и трансформации традиционных гендерных ролей издание воссоздавало мощный непротиворечивый образ женщины – труженицы и женщины-героини. Героизация в газете «Сталинградская правда» выполняла три ключевые функции:

- мобилизационную, превращая труд из необходимости в патриотический долг и личный подвиг, где газета обеспечивала идеологический базис для беспрецедентного напряжения сил;
- компенсаторную, описывая невыносимые условия через призму героизма и стойкости, она помогала преодолевать отчаяние, придавая глубокий смысл ежедневным тяготам и лишениям;
- легитимизирующую, где созданный образ оправдывал и делал морально приемлемой тотальную трудовую мобилизацию, стирая грани между мужским и женским трудом, на которую впоследствии указывала Ф.А. Такташева [12].

Важно подчеркнуть, что эти образы базировались на реальном, массовом подвиге сталинградских женщин, чей труд, как показывают современные исследования, стал объективной основой для выживания города и последующего восстановления. Таким образом, анализ фактов героизма и самопожертвования женщин на страницах «Сталинградской правды» военного времени позволяет увидеть начальный этап формирования коллективной памяти о войне, где женский труд в тылу был сознательно и последовательно поставлен в один смысловой и ценностный ряд с подвигом солдата на фронте. Сконструированный нарратив оказался чрезвычайно устойчивым, определив на десятилетия вперед как официальную историографию, так и народное восприятие вклада женщин в Победу, что впоследствии нашло отражение и в мемуарной литературе, и в фундаментальных исторических трудах, посвященных Сталинградской битве.

Литература

1. Валуева А.А. На фронте и в тылу: участие женщин в Сталинградской битве // Студен. электрон. журнал «СТРИЖ». 2022. № 3(44). С. 26–30. [Электронный ресурс]. URL: <http://strizh-vspu.ru/files/publics/1656941641.pdf> (дата обращения: 30.06.2026).
2. Моисеев С.И. Организация тылового обеспечения войск Красной Армии в Сталинградской битве: 1942–1943 гг.: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Чебоксары, 2016.
3. Мурманцева В.С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974.
4. Сталинградская правда. 1942. 1 нояб. № 247(4376). [Электронный ресурс]. URL: https://cdnivo.ru/files/fonds/s_pravda_1942_n247-293.pdf (дата обращения: 30.06.2026).
5. Сталинградская правда. 1942. 3 нояб. № 248(4377). [Электронный ресурс]. URL: https://cdnivo.ru/files/fonds/s_pravda_1942_n247-293.pdf (дата обращения: 30.06.2026).
6. Сталинградская правда. 1942. 7 нояб. № 252 (4381). [Электронный ресурс]. URL: https://cdnivo.ru/files/fonds/s_pravda_1942_n247-293.pdf (дата обращения: 30.06.2026).
7. Сталинградская правда. 1943. 1 янв. № 1(4423). [Электронный ресурс]. URL: https://cdnivo.ru/files/fonds/s_pravda_1943_n1-68.pdf (дата обращения: 30.06.2026).
8. Сталинградская правда. 1943. 12 сент. № 175(4605). [Электронный ресурс]. URL: https://cdnivo.ru/files/documents/s_pravda_1943_n172-213.pdf (дата обращения: 30.06.2026).
9. Сталинградская правда. 1943. 2 июля. № 123(4553). [Электронный ресурс]. URL: https://cdnivo.ru/files/fonds/s_pravda_1943_n69-121.pdf (дата обращения: 30.06.2026).
10. Сталинградская правда. 1943. 21 апр. № 73(4503). [Электронный ресурс]. URL: https://cdnivo.ru/files/fonds/s_pravda_1943_n69-121.pdf (дата обращения: 30.06.2026).
11. Сталинградская правда. 1943. 6 авг. № 148 (4578). [Электронный ресурс]. URL: https://cdnivo.ru/files/fonds/s_pravda_1943_n69-121.pdf (дата обращения: 30.06.2026).
12. Такташева Ф.А. Государственная политика в отношении женщин в СССР в 1943 – начале 1950-х. гг.: по материалам Сталинградской области: дисс. ... канд. истор. наук. Волгоград, 2012.

DARYA MAKHALINA

Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE REFLECTION OF THE FACTORS OF HEROISM AND SELF-SACRIFICE OF WOMEN IN THE REAR AT THE PAGES OF “STALINGRAD PRAVDA”

The article is devoted to the analysis of the image of woman heroism in the rear at the pages of the newspaper “Stalingrad Pravda” in the 1942–1945s. On the basis of the material of publication and historiographical studies the author examines the rhetorical devices and narrative strategies, with their help the press developed the new social role of woman as the basic productive force of the rear. It is concluded about the mobilization, compensation and legitimization functions of heroification that supported the transformation of labour in the patriotic duty and the equating of the feat of the rear with the military ones in the collective memory.

Keywords: “Stalingrad Pravda”, woman heroism, self-sacrifice, gender roles, labour mobilization, Soviet propaganda, military rhetoric, image of hard-working woman, collective memory.